

Т. К. Щеглова

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул*

**Антропология экстремальности: женская социокультурная адаптация
в контексте принудительных и вынужденных миграций 1939–1949 годов
(по полевым материалам)**

XX столетие для населения России отличалось насыщенностью событий (революции, войны и др.) и кардинальных перемен (коллективизация, социалистическая модернизация и др.), сопровождавшихся массовыми миграциями и переселениями. В зависимости от характера событий эти миграции делятся на добровольные (из села в город в ходе индустриализации и урбанизации), вынужденные (эвакуации в годы войны, миграции из постсоветских республик в 1990-е гг.), добровольно-принудительные (переселения в ходе ликвидации населенных пунктов при строительстве ГЭС или ликвидации неперспективных сел), насильственно-принудительные (высылки, ссылки, депортации, спецпереселения). Они различаются условиями и способами адаптации.

Женскую акцентуацию принудительных миграций усиливал их семейный характер. Это, с одной стороны, создавало трудности для жизнедеятельности самой женщины, с другой — предполагало создание системы жизнеобеспечения всей семьи. Женскую историю в контексте миграций можно рассматривать с двух позиций — «антропологии советскости» и «антропологии экстремальности». В антропологии советскости на первый план выходят социально-психологические адаптации в процессе реализации проекта социального переустройства советского общества — например, адаптации

сельских женщин при переезде в город. В антропологии экстремальности 1930–1940-х гг. социальная адаптация проходила в агрессивных условиях формирования образов врага («враг народа», «жены изменников родины»), а повседневное поведение женщин при насильственных переселениях определяла жизнесохранительная хозяйственно-бытовая адаптация.

Цель работы — изучение проблем женской адаптации в экстремальных условиях депортаций и эвакуаций в Сибирь с 1939 по 1949 г. с привлечением междисциплинарных методов устной истории, социальной антропологии и этнографии. Основными источниками являются материалы устной истории (интервью) и материалы полевой этнографии (артефакты женской повседневности и духовно-ментальных практик). Принципиально важным в антропологии экстремальности является изучение этой темы на микроуровне, поскольку адаптационные механизмы женского жизнесохранительного поведения при смене места жительства формировались в конкретной природной среде, конкретном этнокультурном пространстве. Конкретно-исторический подход предполагает выявление всех локусов деревни и их сравнение — местные, депортированные, эвакуированные.

Антропология села в 1940-е г. имела женское лицо. Это было связано с тем, что сельское общество «обезмужичило», а пополнялось женщинами и детьми за счет эвакуаций и депортаций, так как репрессированное трудоспособное население отправлялось в трудармию. Это привело, например, к такой адаптационной практике «содержания детей под присмотром под одной крышей»: «захожу в крайнюю хату [депортированных немцев]. Смотрю, вот одного почти возраста дети, дошкольного, человек девять или десять. И одна уже в пожилом возрасте... суетится. Стоит таз целый, наваренный кисель. Я говорю: “Что у вас, детский сад?” Она говорит: “Это забрали в трудармию, родителей, а они мне детей на сохранение поотдавали. Это не все еще — побольше [дети] ходили, собирали колоски... мерзлую картошку собирали на поле. А эти уже дома играли”» (Лапутина Т.К., 1921 г.р., п. Благовещенка). «Мужиков-то не было, а это бабы... Вот одна женщина, так у нее пятеро детей было [депортированные украинцы], она одна с ними была» (Королева В.В., 1931 г.р.).

По мнению местного населения, это было справедливо в условиях военного времени. Как сказала сибирячка Т.К. Лапутина, «их в

трудармию направили, наших — на фронт». Несомненно, исторические события 1940-х гг. поставили все категории сельского населения в условия выживания. Но если сельские сибиряки адаптировались к военному времени в условиях обжитости, депортанты — с кардинальной сменой условий проживания, то для эвакуированных были определенные привилегии. Про эвакуированных из Ленинграда говорили: «Им особый паек был... Нам-то не было никакого пайка. А им-то давали... хлеб и какие-то консервы... Они на службах были... Они не хотели [в колхозе]... Эти с Ленинграда ниче не умели делать. Ну, они учителями работали, кто на почте работала» (Королева В. В., 1931 г. р., с. Красногорское). Эвакуированные женщины с Дальнего Востока жили «почти в каждом доме... У нас семья жила из Владивостока. В основном жены военных были... Они ничего с собой почти не брали... Их так быстро оттуда вывезли. Они получали аттестаты от мужей — у них деньги были, они питались, конечно, лучше. И одеты они были ребятишки хорошо. Мы-то здесь, в деревне, господи!» (Гринева Т. А., 1931 г. р., с. Усть-Чарышская Пристань). Эти локусы объединяла государственная помощь, в отличие от местных колхозников и депортированных.

На Алтай только в сентябре прибыло 115 тыс. человек, в том числе 80454 немцев; расселили в 47 районах. В 1943–1944 гг. расселили 20858 калмыков, также крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, болгар, венгров, румын, финнов. В 1949 г. 16 тыс. армян были расселены по 37 районам Алтая. Региональные полевые материалы показали, что хозяйственно-бытовая и психологическая адаптация сложнее проходила у семей депортированных калмыков, что было связано с их повседневной неприспособленностью к жизни в сибирских условиях в среде земледельческого сельского общества. Как отмечали местные респонденты про женщин-калмычек и их детей: «Они тоже работали, но они очень тяжело переносили этот климат, часто болели, была смертность среди них. У нас в классе человек пять или шесть было... Они, конечно, не похожи по психологическому укладу на нас. Они какие-то более свободолюбивые... Овец бы пасти... Они как-то любят степь. Они в степи уходили. Им какая-то нужна была ширь, свобода» (Быкова Р. К., 1941 г. р., Топчихинский район). Калмыкам было трудно пробиться через непонимание поведения и традиций степного кочевого скотоводческого общества со стороны носителей культуры пашенного земледелия. Это отражалось на их восприятии: «Их привезли ... на лошадях. Мы с ребятиш-

ками бегали, смотрели. Ну, они ж по-своему говорили. Как звереныши, выглядывают... Они уж настолько были, как допотопного периода, калмыки эти» (Гринева Т.А., 1931 г.р.). Это привело к обособленности калмыцких семей. Даже при расселении они предпочитали селиться на окраинах села, сооружая землянки. Сформированные районы повсеместно в Сибири называли «Шанхаем».

В отличие от калмыков, хозяйственно-бытовой опыт депортированных немцев-земледельцев стал важнейшим фактором преодоления женщинами формируемого государственной политикой негативного образа: «...мы же по линии НКВД были. Нас контролировали. Мы же немцы были, мы были, как их называют? — Враги народа! — Так нас тогда считали» (Беккер М.Ф., 1938 г.р., Панкрушинский район). В такой атмосфере для немецких женщин на первый план вышла социальная адаптация: «Обзывали нас фашисты... И они (местные) знаете, что нам сказали? Господи, и плач, и смех! В газете тогда про нас пишут и рисуют карикатуры... И когда мы приехали в Савиново, они говорят: “Фу, такие же люди, как мы. А мы думали, как нарисовано в газете — с хвостами”» (Йорк М.Е., 1923 г.р., Зональный район). Способами адаптации, т.е. преодоления негативных стереотипов, стало включение женщин в совместное колхозно-совхозное производство: «Курсы были организованные в Топчихе. Они [депортированные немки] учились. Вот на первом отделении... Кноль, она трактористкой была» (Быкова Р.К., 1941 г.р.). Быстрой адаптации немецких женщин с детьми способствовала хозяйственно-бытовая «одинаковость» с местным населением, обусловленная традициями земледелия, огородничества, в отличие от хозяйственно-культурной «инаковости» калмыцких семей. Более того, после преодоления эмоционально-негативных барьеров начался интенсивный культурно-бытовой взаимообмен. Например, семьи русского населения нанимали немок для саманно-глинобитного строительства и штукатурки в условиях ухудшения жилищных условий и отсутствия мужчин.

Выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-49-220009 р_а «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».